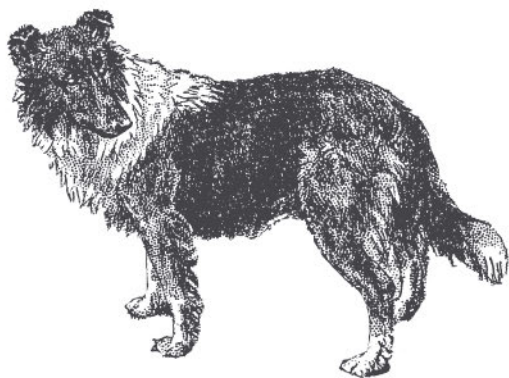

Эрик Хайт

Эрик Хайт

Лесси

АЗБУКА

Санкт-Петербург

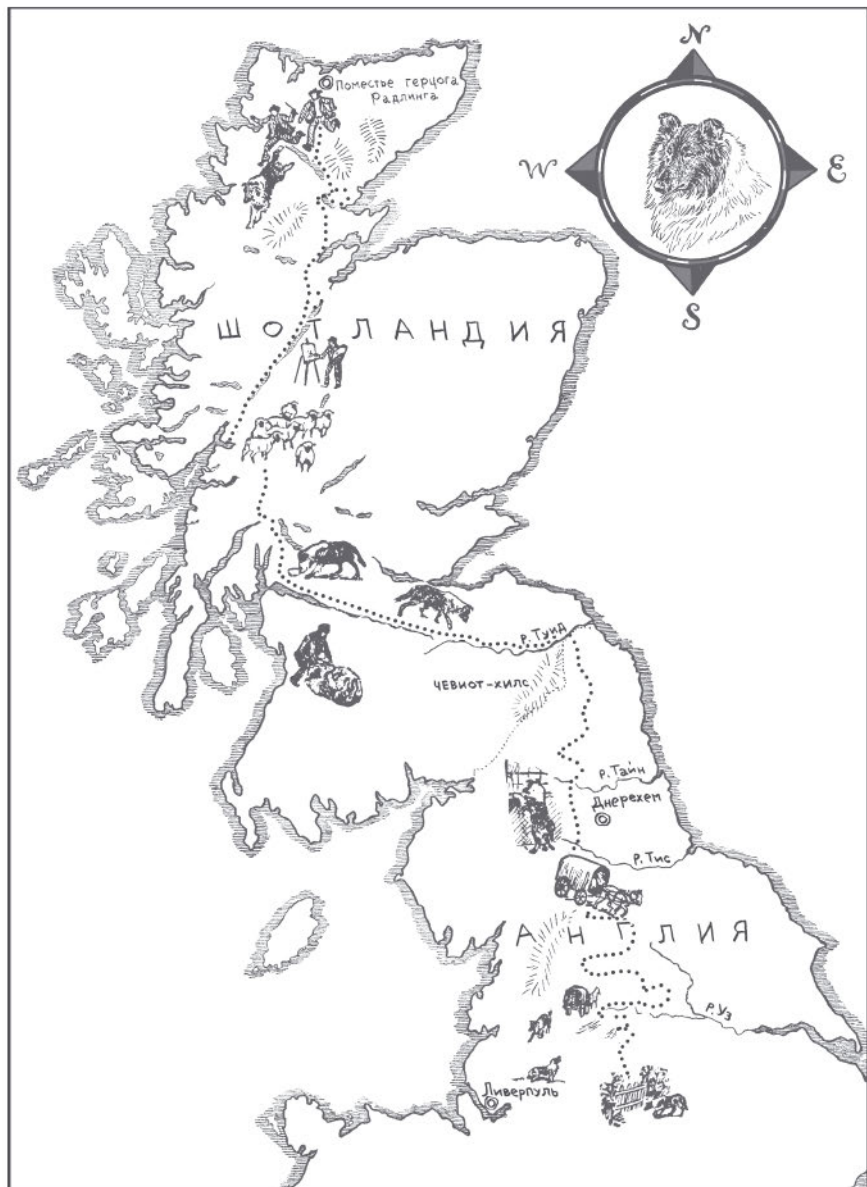
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Н 20

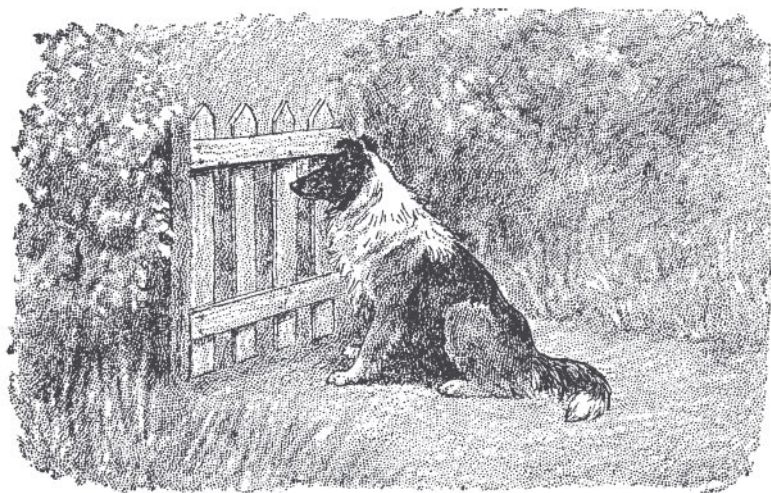
Перевод Надежды Вольпин
Руководитель проекта Александр Лютиков
Серийное оформление и оформление обложки
Владимира Гусакова
Иллюстрации Маргариты Кирмс
Иллюстрация на обложке Антона Ломаева

ISBN 978-5-389-15171-0

© Н. Д. Вольпин (наследники), перевод, 2019
© А. Я. Ломаев, иллюстрация на обложке,
2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается
доктору Гарри Джарретту —
человеку, который понимает собаку*

Глава первая НЕ ПРОДАЕТСЯ

В поселке Гринол-Бридж каждый житель знал Лесси, питомицу Сэма Керраклафа.

Она была, можно сказать, самой известной собакой на всю округу — и по трем причинам.

Во-первых, чуть ли не каждый в поселке признал бы, что не видывал колли красивей ее.

Это высокая похвала, потому что Гринол-Бридж находится в графстве Йоркшир, а в Йоркшире собака — всем собакам королева! Здесь, на суровом севере Англии, она хороша, как нигде на земле. Гуляет ветер, хлещут холодные дожди по плоским

и голым полям, но у собак только богаче становится шуба, и сами они так же крепки, как здешний народ.

Народ здесь любит собак и умеет их выращивать. Обойдите хоть сотню, хоть три маленьких горняцких поселка в этом самом большом английском графстве, и везде вы увидите ту же картину: идет человек в бедной рабочей одежде, а за ним по пятам собака, такая породистая, такая на вид аристократка, что иной любитель собак, уроженец другого края, пусть даже самый богатый, глядел бы на нее завистливыми глазами.

Гринол-Бридж в этом смысле не отличался от прочих йоркширских деревень. Люди здесь знали толк в собаках и любили их; и здесь у многих были отличные собаки; но жители поселка все как один признавали, что если когда-нибудь и кто-нибудь в Гринол-Бридже вырастил собаку красивей Лесси, трехцветной колли Сэма Керраклафа, то это было не на их веку.

Но имелась и другая причина, почему Лесси хорошо знали в поселке. Дело в том, что по ней, как говорили женщины, можно было ставить часы. Началось это года три назад, когда Лесси была годовалым щенком, веселым и взбалмошным. Однажды Джо Керраклаф, сын Сэма Керраклафа, прибежал домой сильно взволнованный.

— Мама, мама! — кричал он взхлеб. — Сегодня я выхожу из школы, и знаешь, кто там сидел и ждал

меня? Лесси! Как ты думаешь, откуда она узнала, где я?

— Верно, учуяла твой запах, Джо. Другого ничего не придумаю.

Так или иначе, а Лесси и на следующий день ждала у школьных ворот, и на третий день. Проходили недели, месяцы, годы, и было все то же. Женщины, выглядывая в окна своих домиков, и лавочники, стоя в дверях своих лавок по Верхней улице, видели бегущую мимо ровной трусцой горделивую черно-белую с золотыми подпалинами собаку и говорили: «Без пяти четыре — Лесси бежит!»

Ясный ли день или дождь, собака всегда была на месте и ждала мальчика — одного-единственного из полусотни мальчиков, выбегавших ватагой на асфальтовый двор, потому что для собаки был важен только этот один. Каждый раз наступало мгновение счастливой встречи, а затем они вдвоем, мальчик и собака, шли домой. Так бывало всегда, изо дня в день, уже четвертый год.

Лесси стала общей любимицей в будничной жизни поселка. Ее знал чуть ли не каждый. Но больше всего люди ценили Лесси потому, что она была утверждением чего-то такого, чего они сами не могли бы внятно объяснить. Чего-то, что было связано с их гордостью. А гордость их связана была с вопросом о деньгах.

Обыкновенно, если кому случалось вырастить особенно красивую собаку, она в один прекрасный

день переставала быть собакой и становилась чем-то на четырех ногах, что стоит денег. Она, конечно, оставалась, как была, собакой, но теперь она была вдобавок чем-то еще, потому что о ней мог прослышать какой-нибудь богатый человек, любитель собак, или могли ее увидеть ловкие барышники, и тогда нашелся бы на нее покупатель. Богатый может так же горячо любить собаку, как и бедный, и в этом между ними нет разницы — разница в том, как они смотрят на деньги. Бедный сядет и подумает, сколько ему потребуется угля на зиму, и сколько нужно будет пар башмаков, и сколько пищи для детей, чтоб они росли крепкими, и придет он домой и скажет:

«Нам иначе не обойтись, так не мучьте вы меня, не надоедайте. Мы как-нибудь вырастим себе другую собаку, и будете вы все любить ее не меньше, чем любили эту».

Таким образом уходила из дому не одна прекрасная собака в Гринол-Бридже. Но не Лесси!

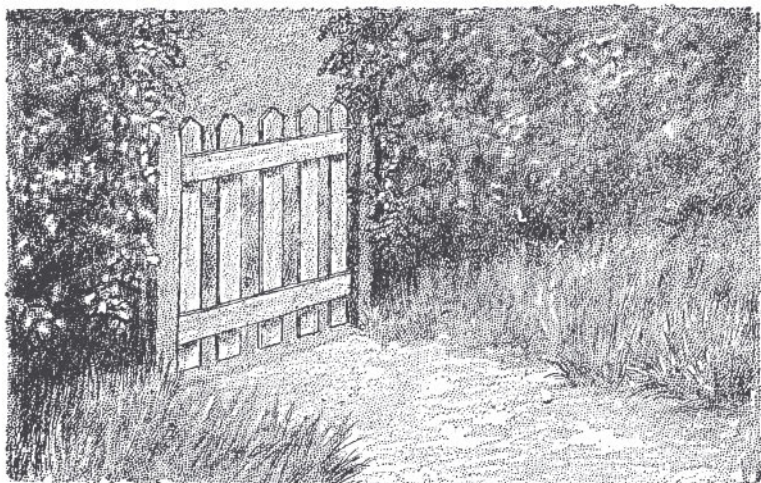
Весь поселок знал, что даже герцог Радлинг не может купить у Сэма Керраклафа его Лесси — сам герцог, который живет в своем большом поместье, в одной миле от поселка, и у которого полно там превосходных собак.

Герцог три года пытался купить у Сэма Керраклафа его колли, но Сэм устоял.

— Ни к чему вам набавлять цену, ваша светлость, — говорил он. — Цена правильная, но... собака не продается. Ни за какие деньги.

В поселке все это было известно. Потому-то Лесси так много значила для жителей. Она представляла собой особую гордость, которую деньги не могли у них отнять.

Но собаки принадлежат людям, а людей стегает судьба. И временами в жизни человека наступает такая полоса, когда судьба бьет его слишком тяжело, и тогда он поневоле склоняет голову и решает, что должен поступиться гордостью, чтобы не оставить без хлеба семью.

Глава вторая

«НЕ НУЖНО МНЕ ДРУГОЙ СОБАКИ...»

Собаки нет на месте! Вот все, что знал Джо Керраклаф.

Он в этот день вышел из школы вместе с другими и пробежал по двору в том буйном веселье, какое можно видеть в каждой школе по всему свету к окончанию школьного дня. Почти машинально, по привычке, укоренившейся за сотни дней, он прошел к воротам, где его всегда ожидала Лесси. И там ее не оказалось!

Джо Керраклаф стоял — крепкий мальчик с милым лицом — и соображал, как могло это случить-

ся. По широкому лбу над карими глазами легли морщины. Сперва он никак не мог себе представить, что глаза говорят ему правду.

Он просмотрел всю улицу из конца в конец. Может быть, Лесси запаздывает? Впрочем, он знал, что не в этом дело, потому что животные не похожи на людей. У людей есть часы и при себе и на стенке, и все-таки вечно получается так, что они на пять минут опоздают. Животным же не нужно никаких механических приспособлений, чтобы знать, который час. Есть у них внутри нечто более аккуратное, чем часы. Это чувство времени, и оно им никогда не изменяет. В самом деле, они всегда точно знают время, когда им пора приступить к тому или другому делу, твердо установленному по распорядку их жизни.

Джо Керраклаф это знал. Он часто обсуждал это с отцом, выпрашивая у него, как получается, что Лесси знает, когда ей пора бежать к школьным воротам. Нет, опоздать Лесси не могла.

Джо Керраклаф стоял на пригреве майского солнца и думал. И вдруг у него пронеслось в уме: может быть, она попала под колеса!

Он содрогнулся от этой мысли, но тотчас же отбросил ее. Лесси была слишком хорошо обучена, чтобы идти по улицам неосторожно. Она шла всегда уверенно и пристойно. Да и движения-то в поселке было совсем мало. Большое шоссе проходило долиной, по берегу реки, на милю в стороне. К Гринол-Бриджу вела только проселочная дорога, да и та,

подойдя к торфяному болоту, превращалась просто в пешеходную тропу.

Может быть, Лесси украли!

Но и это казалось неправдоподобным. Чужой не мог притронуться к Лесси, если не было рядом кого-нибудь из Керраклафов, кто велел бы ей подчиниться. К тому же по всей округе, за много миль от Гринол-Бриджа, Лесси знали слишком хорошо, никто не посмел бы ее украсть.

Но где же могла она быть?

Джо Керраклаф решил свою задачу, как решают задачи сотни тысяч мальчиков по всей земле. Он побежал домой спросить у мамы.

Он пронесся со всех ног по главной улице через весь поселок. Ни разу не остановившись, пробежал мимо лавок по Верхней улице до переулка, что идет вверх по склону холма, взбежал по переулку, затем влетел в ворота, промчался садовой дорожкой и в дверях дома громко закричал:

— Мама! Мама!.. С Лесси что-то случилось! Она меня не встретила!

Едва выговорив это, Джо Керраклаф сразу понял, что дело неладно. Ни мать, ни отец не вскочили, не стали расспрашивать, как и что. Они как будто не испугались, что с их чудесной собакой случилось недоброе.

Джо это отметил. Он стоял, прислонясь спиной к двери, и ждал. Мать не сводила глаз со стола, который накрывала к чаю. Она помолчала секунду. Потом посмотрела на мужа.

Отец Джо Керраклафа сидел на низком стульчике у огня. Он повернул голову. Медленно, ничего не сказав, опять отвернулся и уставил глаза на огонь.

— В чем дело, мама? — вдруг всхлипнул Джо. — Случилась беда?

Миссис Керраклаф не спеша поставила тарелку на стол, потом заговорила.

— Так. Кто-нибудь должен же ему объяснить, — сказала она как будто в воздух.

Муж не пошевелился. Она обернулась к сыну.

— Ты все равно сам это узнал бы, Джо, — сказала она. — Лесси больше не будет ждать тебя у школы. И нечего реветь.

— Почему не будет? Что с ней случилось?

Миссис Керраклаф подошла к очагу, поставила котелок на жар. Она сказала, не оборачиваясь:

— Потому что она продана. Вот почему.

— Продана! — повторил мальчик на звонком крике. — Продана! Зачем же вы ее продали... нашу Лесси... зачем вы ее продали?

Мать в сердцах повернулась к нему:

— Она продана, ее увели, и дело с концом. Нечего тут выпрашивать. Теперь ничего не изменишь. Собаки нет, и все. Не будем больше об этом говорить.

— Но как же, мама...

Мальчик кричал звонко и растерянно. Мать перебила:

— Довольно! Давайте чай пить! Ну же! Садитесь!

Мальчик послушно сел за стол, на свое место. Мать повернулась к мужу, к очагу:

— Садись же, Сэм, поешь. Хотя, сказать по правде, угощение у меня к чаю скудное...

Женщина притихла, когда муж встал с сердитой решимостью. Но, не сказав ни слова, он прошел к дверям, снял шапку с крюка и вышел вон. Хлопнула дверь. С минуту в комнате молчали. Потом женщина бранчливо завела:

— Видишь, что ты наделал! Совсем рассердил отца. Теперь ты, конечно, доволен.

Она устало опустилась в кресло и уставилась на скатерть. В комнате долго молчали. Джо знал, что мать не права, вина его в случившемся. Но он знал и то, что мать таким путем прикрывает собственную боль. Это то же самое, как если она бранится. Так уж оно повелось у людей в этих местах. Люди здесь суровы, упорны, привыкли жить суровой, трудной жизнью. Когда случается что-нибудь, что их волнует, они прячут свои чувства. Женщины бранятся и ругаются, чтобы скрыть обиду. Их брань ничего не значит. Отбранятся, и все...

— Ладно, Джо. Ешь!

Голос матери звучал теперь мягко и терпеливо. Мальчик смотрел на тарелку и не двигался.

— Ешь, Джо. Намажь себе хлеб. Смотри, хлеб свеженький, я сегодня только испекла... Что, не хочешь?

Мальчик низко опустил голову.

— Не хочу ничего, — прошептал он.

— Ох, собаки, собаки, собаки! — вспыхнула мать. Голос ее опять стал сердитым. — Столько шуму из-за одной собаки! Хорошо, если хочешь знать, я рада, что Лесси нет. Право слово! Возни с ней и заботы не меньше, чем с ребенком! Теперь ее нет, и заботе конец, и я рада, право. Я рада!

Миссис Керраклаф повела полным плечом, шмыгнула носом. Потом вынула платок из кармана фартука и высморкалась. И только тут решилась поглядеть на сына, который все еще сидел не двигаясь. Она печально покачала головой, а когда заговорила вновь, голос ее был опять терпеливым и добрым.

— Джо, поди сюда, — сказала она.

Мальчик поднялся и стал подле матери. Она обняла его своей полной рукой и начала, обратив лицо к огню:

— Так что, Джо, ты уже взрослый мальчик, ты можешь это понять. Ты видишь... ну да, ты же знаешь, время нелегкое... Ты знаешь, как обстоит дело. Нужно покупать еду, нужно платить хозяину за дом, а за Лесси давали хорошие деньги, и... Словом, мы не могли себе позволить... не могли оставить ее у себя, вот и все. Настала тугая пора, ты не должен... не должен огорчать отца. Он и так не находит себе покоя... и... ну, вот и все! Собаки нет.

Керраклаф-младший стоял у очага бок о бок с матерью. Он понял. В Гринол-Бридже даже двенадцатилетние мальчишки знали, что такое «тугая пора».

Много-много лет, все годы на их детской памяти, их отцы работали в Веллингтонских копиях, за посел-

ком. С едою в кошелке, с шахтерской лампой на лбу они ходили каждый день на смену и со смены; они работали, добывая много угля. Потом настала «тугая пора». Шахта перешла на «неполную неделю», и шахтеры зарабатывали меньше. Временами опять начиналось оживление, и люди опять работали полную неделю.

Все тогда радовались. Конечно, и тут бывало далеко до роскоши — в шахтерских поселках и в лучшие времена люди живут трудной жизнью, — но в такую пору все хоть чувствовали себя уверенно, в семьях был мир и лад и еды на стол подавалось вволю, ее хватало на всех.

Несколько месяцев назад шахту закрыли совсем. Большой ворот у спуска в ствол уже не крутился. Люди не стекались на дворе шахты перед каждой новой сменой. Вместо того они ходили отмечаться на биржу труда. Они толпились на углу возле биржи в ожидании работы. Но работы не было. Они, по-видимому, оказались, как называли это газеты, в одном из «пораженных районов», то есть в той части страны, где заглохла всякая промышленность. Люди целыми поселками сидели без работы. Не было никакой возможности заработать на жизнь. Правительство выплачивало людям пособие — еженедельную денежную выдачу, чтоб они не померли с голоду.

Джо это знал. Он слышал, о чем толковали люди в поселке. Видел мужчин, толпившихся у биржи труда. Он знал, что его отец не ходит больше на работу.

Знал также, что мать с отцом никогда при нем об этом не говорят, что в грубой своей доброте они стараются сами нести все тяготы жизни, не давая им ложиться на его детские плечи.

Но хотя ум ему говорил все это, сердце кричало о Лесси. Он, однако, принудил его молчать. Он стоял, не двигаясь с места, потом задал только один вопрос:

— Нам можно будет когда-нибудь откупить ее обратно, мама?

— Видишь ли, Джо, она оказалась очень ценной собакой, а нам держать ее стало не по карману. Но мы как-нибудь заведем себе другую собаку. Подожди немного. Наступит более легкая пора, и мы тогда возьмем в дом щенка. Ты хотел бы?

Джо Керраклаф понурился и тихо покачал головой. Голос его упал до шепота:

— Не нужно мне другой собаки. Никакой и никогда!.. Мне нужна только... только Лесси!

Глава третья ЗЛОБНЫЙ СТАРИК

Герцог Радлинг стоял у живой изгороди из рододендрона и поводил вокруг горящим взглядом. Он снова поднял голос.

— Хайнз! — заорал он. — Хайнз! Что за человек, куда он делся? Хайнз!

Сейчас, с раскрасневшимся лицом, с копной растрепанных седых волос, герцог выглядел как раз таким, каким его считали: самым злобным стариком на все три райдинга¹ графства Йоркшир.

¹ Графство Йоркшир делится административно на три райдинга, то есть трети: Северный, Восточный и Западный.

Справедлива ли была такая репутация или же нет, герцог, мы скажем, вполне ее заслужил своим поведением и манерой разговаривать.

Возможно, она создавалась отчасти оттого, что герцог был изрядно глух, а потому со всяким человеком говорил так, точно командовал на смотре бригадой пехоты, как ему и вправду доводилось это делать когда-то, много лет назад. А еще он имел обыкновение ходить не с тросточкой, а с суковатой палкой, которой он всегда яростно размахивал в воздухе, чтобы придать еще больше резкости своим и без того слишком резким словам. И наконец, его злоба происходила от его нетерпимого отношения ко всему на свете. Ибо герцог был твердо уверен в одном: что мир, как он выражался, «идет к чертям». В наши дни все не так, как в пору его молодости. Лошади скачут не так быстро, молодые люди не так смелы и удалы, женщины не так красивы, цветы не так хороши, а собаки... если и осталось на свете несколько неплохих собак, так только потому, что они принадлежат ему, герцогу.

Герцог считал, что люди нынче не умели даже так чисто говорить по-английски, как говорили, когда он был молод. Он был убежден, что и слышит он плохо не потому, что почти оглох, а потому, что у людей в наши дни завелась скверная привычка комкать и корнать слова, вместо того чтобы просто говорить, как говорили, когда он был молод.

А уж молодое поколение! Герцог мог часами рассуждать о том, что ни один человек, родившийся в двадцатом веке, никуда не годен.

Это было тем более странно, что изо всей его родни единственным, кого герцог мог выносить (и кто, как видно, мог выносить герцога), был самый младший член его семьи — его двенадцатилетняя внучка Присцилла.

Она и сейчас пришла ему на помощь, когда он стоял у рододендроновой изгороди и звал, грозя своей палкой.

Увильнув от яростного взмаха, она подскочила к деду и дернула за карман его широкой куртки из мягкой ворсистой шерсти. Он повернул к ней свои взъерошенные усы.

— А, это ты! — закричал он. — Удивительно, что хоть кто-то наконец пришел. Не знаю, до чего дойдет мир. Слуги никуда не годятся! Никто не слышит — оглохли! Англия идет к чертям!

— Ерунда, — сказала Присцилла.

Это была самоуверенная юная леди, весьма независимая в своих суждениях. Постоянно находясь при бабушке, она приучилась смотреть на него и на себя как на равных — то ли двое престарелых детей, то ли пара молоденьких взрослых.

— Что такое? — заорал герцог, глядя на нее с высоты своего роста. — Говори ясно! Не шамкай!

Присцилла пригнула его голову книзу и прокричала ему прямо в ухо:

— Я сказала: «Ерунда».

— Ерунда? — повторил герцог.

Он поглядел на нее, потом расхохотался. У него было насчет Присциллы свое особое мнение. Он был убежден, что если у Присциллы хватало храбрости ему перечить, то храбрость свою она, конечно, унаследовала от него.

Вот почему, когда герцог посмотрел с высоты своего роста на внуку, у него сразу поднялось настроение. Он распушил свои длинные белые усы, которые были у него куда пышней и красивей, чем те усики, какие мужчины умудряются себе отращивать в наши дни.

— Ну-ну, хорошо, что ты явилась! — прогремел герцог. — Я хочу показать тебе новую собаку. Она великолепна! Красавица! Лучшей колли я в жизни не видел.

— Но она не такая хорошая, как бывали в прежние времена? — спросила Присцилла.

— Что ты шамкаешь? — заорал герцог. — Я не расслышал ни слова.

Он отлично расслышал, но предпочел не признаться в том.

— Я знал, что она будет моя, — продолжал герцог. — Я за ней охотился три года.

— Три года! — повторила Присцилла. Она знала, что дедушка ждет от нее такого ответа.

— Да, три года. Он думал, что мне его не переупрямить, а вышло по-моему. Я три года назад пред-

ложил ему за собаку десять фунтов — он ее не продал. На другой год я поднял цену до двенадцати — он не продал. В прошлом году я предложил пятнадцать фунтов. Сказал ему, что это крайняя цена, что больше я надбавлять не стану, и я в самом деле так себе поставил. Но он не поверил. Придерживал собаку еще полгода, и вот на прошлой неделе дал мне знать, что согласен.

Герцог самодовольно усмехнулся, но Присцилла покачала головой:

— Откуда ты знаешь, что он не «подменил» собаку?

Вопрос был естественный, потому что, сказать по совести, йоркширцы знамениты не только умением выращивать собак, но поговаривают, что их умение простирается слишком далеко. Они частенько применяют всякие тайные приемы, чтобы скрыть в собаке недостаток: например, так подправят кривое ухо или неправильный постанок хвоста, что недочет будет совершенно незаметен, покуда какой-нибудь не очень понимающий покупатель не оплатит за собаку деньги и не возьмет ее к себе домой. Такие фокусы и приемы называются у йоркширских собачников «подменой». При купле и продаже собак, как и с лошадьми, применяется неписаное правило: «*Saveat emptor*» — «Покупатель, гляди в оба!»

Но герцог, услышав вопрос Присциллы, только заорал громче прежнего:

— Откуда я знаю, что он не «подменил»? Да потому, что я и сам йоркширец. Я знаю все их фокусы

и еще столько же в придачу, уж будьте покойны! Нет, собака правильная. К тому же я ее купил у... как бишь его... у Керраклафа. Я его знаю. Он себе такого со мной не позволит. Никогда!

И герцог взмахнул над головой своей здоровенной палкой, как бы бросая вызов каждому, кто посмел бы сыграть с ним шутку. Старик и его внучка прошли по дорожке к собачьим клеткам. Там, у проволочной загородки, они остановились поглядеть на собаку в ее дворике.

Присцилла увидела лежавшую на земле большую черно-бело-золотистую колли. Она лежала, склонив голову на передние лапы, — благородную темную голову, изящные очертания которой четко рисовались на снежной белизне пышных «брыжей» и «фартука».

Герцог прищелкнул языком, подзывая собаку. Она не ответила. Только легкое движение уха показало, что собака услышала. Она лежала, не поводя глазами на людей, разглядывавших ее сквозь железную сетку.

Присцилла пригнулась, захлопала в ладоши и позвала скороговоркой:

— Сюда, колли, сюда, сюда! Ну погляди на меня. Сюда!

Ровно на одну секунду большие карие глаза колли скосились на девочку, темно-карие глаза, задумчивые и, казалось, печальные. Потом они опять уставились в пустоту.

Присцилла выпрямилась:

— Дедушка, она как будто нездорова!

— Чепуха! — проорал герцог. — Вполне здорова. Хайнз, Хайнз! Куда он спрятался, этот болван? Хайнз!

— Иду, сэр, иду!

Резкий, гнусавый голос Хайнза донесся из-за строений, и тотчас же поспешил показаться и сам герцогский слуга.

— Да, сэр? Вы меня звали, сэр?

— Звал, конечно! Вы что, оглохли? Хайнз, что с собакой? Шерсть у нее потускнела.

— Понимаете, сэр, сейчас она плохо ест, — поспешил разъяснить Хайнз. — Она, я сказал бы, избалована. Собак, когда держат их дома, в комнатах, всегда балуют. Кормят с руки — так сказать, серебряной ложечкой. Но у меня она живо исправится. Через несколько дней станет есть, как положено породочной собаке.

— Ну-ну! Ты за ней присматривай, Хайнз! — закричал герцог. — Хорошенько присматривай за этой колли!

— Хорошо, сэр, уж я постараюсь! — заверил Хайнз.

— Еще бы! — сказал герцог.

И, что-то ворча, он пошел прочь. Он был несколько разочарован. Ему хотелось показать Присцилле прекрасное новое приобретение, а она увидела вместо того довольно-таки жалкого пса.

Он услышал голос внучки.

— Что ты там говоришь?

Она вскинула голову:

— Я говорю: почему тот человек продал вам свою колли?

Герцог остановился, почесал за ухом:

— Он, я полагаю, понял, что я и впрямь предложил свою крайнюю цену. Я ему сказал, что больше не прибавлю ни полпенни, и, я полагаю, он понял, что я и в самом деле так решил. Только и всего.

Когда дедушка с внучкой пошли вдвоем к большому старому дому, Хайнз обернулся к собаке в клетке.

— Ты у меня будешь есть как миленькая! — сказал он. — Будешь ты у меня жрать, хотя бы мне пришлось силком запихивать в тебя жратву.

Собака в ответ не шевельнулась. Она только сожмурила глаза, как будто и знать не хотела человека по ту сторону решетки.

Он давно ушел, а она все лежала неподвижно на солнце, пока тени не стали длиннее. Тогда она нехотя встала. Подняла голову и, наставив нос против ветра, принялась. Не учуяв того, чего хотела, она тихо заскулила. Потом зашагала вдоль решетки, взад и вперед, взад и вперед, как будто несла караул.

Она была собака и не умела думать теми формами мысли, какие мы можем облекать в слова. У нее только возникло в мозгу и в теле нарастающее желание, поначалу смутное. Но дальше желание становилось ясней и ясней. Чувство времени дало толчок ее мозгу и мускулам.

И вдруг для Лесси стало ясно, чего она хочет. Она теперь *знала*.

Найт Э.

Н 20 Лесси : повесть / Эрик Найт ; пер. с англ. Н. Вольпин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 288 с.: ил.
ISBN 978-5-389-15171-0

Лесси — одна из самых известных собак в мировой литературе. Книга, рассказывающая о ее приключениях, пользуется неизменной популярностью. Многие поколения юных читателей во всем мире учились доброте и любви, сопереживая этой храброй и преданной собаке. Джо Керраклаф, сын английского шахтера, считал себя счастливым. Еще бы, ведь ему завидуют все собаководы Йоркшира: такой породистой колли не было ни у кого. Каждый день Лесси приходила к школе встречать Джо, и вдруг однажды не пришла. Дома Джо ожидало ужасное известие: родители продали собаку, чтобы выбраться из долгов. Но для верной Лесси существовал только один хозяин — Джо. Высокий забор, железная цепь и огромное, в несколько тысяч миль, расстояние до родного дома не остановили Лесси: впереди у нее был долгий и опасный путь домой.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

ЭРИК НАЙТ ЛЕССИ

Ответственный редактор *Алла Степанова*
Художественный редактор *Владимир Гусаков*
Технический редактор *Татьяна Тихомирова*
Подготовка иллюстраций *Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова*
Компьютерная верстка *Михаила Львова*
Корректор *Валентина Гончар*

Главный редактор *Александр Жикаренцев*

Подписано в печать 20.05.2019. Формат издания 60 × 84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 3000 экз. Заказ №
Дата изготовления 10.06.2019.

Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»» в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19.

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-LKD-23546-02-R